

Алексей Фирсов.

Прошедшие выборы в ГД РФ забылись быстро, поскольку не создали никакой политической драматургии. И всё же – очерченный ими вакуум внутри либерального поля актуализировал вопрос о построении принципиально новой либеральной силы. Для этого надо еще раз понять причины произошедшего провала.

Были ли либералы обречены с самого начала? Можно ли сказать, что в России нет базы для заметной партии либерального крыла? Нет, так сказать нельзя. Социологический анализ ценностных платформ населения, истории предыдущих голосований, стратегии кандидатов по одномандатным округам показывают, что в крупных городах либеральное крыло могло бы уверенно набирать 20-25 %. Даже если допустить, что в городах с населением менее 500 тысяч жителей и в сельской местности этот процент заметно ниже, даже если распределить эту долю между несколькими партиями, мы бы все равно теоретически могли увидеть либеральную партию в Думе. Однако этого не произошло.

Еще год назад слабость либеральных позиций можно было списать на эффект «крымской весны»: консолидацию общества вокруг консервативной модели и внешнеполитической повестки, аннулировавших идеологию московских протестов 2011-2012 годов. Однако к моменту избирательной кампании этот эффект начал заметно спадать – под действием экономического кризиса и усталости от внешнего напряжения. Выехать на внешних факторах уже не получалось, существенно выросло желание разобраться, «а что у нас?». Появился запрос на модернизацию, который можно было бы оседлать, если бы всадник оказался без головы.

В объяснениях поражения доминирует тема отсутствия контроля за информационными ресурсами. Но эффективность управления этими ресурсами со стороны гос. структур неочевидна. Идеологическая машина еще продолжала активно работать в рамках концепта «Россия в кольце врагов». Формально доверие к государственным СМИ не уменьшилось. Однако, когда социологи исследовали восприятие ключевых государственных телеканалов, то увидели

интересный показатель: из всего спектра психологических реакций при просмотре новостных программ люди в первую очередь называли «тревожность, страх, беспокойство». Смотреть теленовости становилось некомфортно. Падал не формальный показатель доверия, а интенсивность этого доверия. Это как ответ на вопрос: «Ты меня любишь?», – со временем может звучать все формальнее.

Значит, вопрос манипулирования с помощью СМИ не такой очевидный. Можно также вспомнить опыт 80-х годов прошлого века, когда СМИ находились под тотальным контролем государства, отсутствовал интернет, однако политический либерализм стал доминировать в общественных настроениях.

Прежде чем искать причины поражения либерализма во внешних источниках, я бы предложил рассмотреть проблемы внутри него самого. И вот ключевые из них.

Первое. Прошедшие выборы не стали состязанием идеологий. Политики не нашли язык для реальной идеологической полемики, их программы не играли существенной роли. Зато явно доминировала местная специфика. Избиратель стал гораздо более рационален, он пытался понять, как решить конкретные проблемы, не слишком различия их по уровням и зонам ответственности. Его интересовало, как отремонтировать дороги, контролировать местную миграцию, снизить тарифы. Либералы, за небольшим исключением, пытались продать то, что «уже неинтересно», без внимания к тому, что под ногами. Не было слышно решений.

Второе. Оказалось совершенно нечувствительным к стране и ее специфике, – вести кампанию так, будто ничего не случилось за последние годы. Не произошло существенного сдвига в массовом сознании, не было моментов подъема и унижений, не было консолидации, сильных политических решений... Как будто ничего не случилось, и с 2012 года страна сразу проскочила в осень 2016-го. Либералы никак не учли разворота к национальной идентификации, к почве – и не только в одной России, а в глобальном масштабе. Либералы не стали «своими» в этой

ситуации.

Третье. Выборы в значительной части были битвой одномандатников. Это совершенно особая категория людей, зараженных политическим вирусом: бойцов, пассионариев. Голосование за партийные списки во многом определялось тем, как проявили себя представители партий на местах. Стали либералы участниками этих локальных битв? Нет, за небольшими исключениями, не стали. Надеялись на бренды, а не на личную борьбу.

Четвертое. Чтобы вести региональные кампании, нужны региональные структуры. А их не было. Не было предложен механизм партийного строительства, который позволил вовлечь людей. Совершенно очевидно, это должен быть механизм нового типа: не классические партийные ячейки, а иной способ организации. Совершенно изменилась структура общества, характер связей внутри общества. Бессмысленно вести партийную работу на уровне прошлого века. Можно предположить, что новая структура не должна носить чисто политического характера, но уметь при этом оборачиваться и политической стороной.

Пятое. Сложившийся образ либеральной структуры предполагает обновление, ротацию, внутреннюю конкуренцию. Приход новых фигур. Запрос на обновление системы не может быть направлен только к внешней среде. Именно либералы могли продемонстрировать способность к обновлению. Но этого не произошло: обществу предъявили те же лица. Эти лица являются частью старого политического ландшафта; их нахождение на лидерских позициях уже воспринимается как негативный фактор.

В принципе, мы имеем сегодня довольно интересный социологический феномен. Большой пласт населения страны не имеет инструмента выражения своих позиций и политических ориентиров. Последней относительно успешной попыткой сыграть на этом поле можно считать опыт Алексея Навального, но парадокс в том, что, став разоблачителем, либералом он в целом не стал. Пространство остается пустым. И это, возможно,

неплохо. По крайней мере освободилось место для дискуссии, на каких основаниях может строиться либеральное движение в России.

А что может спасти либерализм? То, что консервативный концепт в его прошлой редакции также выдохся, поскольку он не создал для населения образ будущего. Фактически мы сейчас находимся в той смысловой пустоте, где есть место рисовать новые фигуры. Нужны новые решения.